

Е.Е. Амелина

**ИСПОВЕДЬ КАК ФОРМА
СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЕСТВОВАНИЯ
В НОВЕЛЛЕ ДЖ. ЭЛИОТ «ПРИОТКРЫТАЯ ЗАВЕСА»**

Анализируется новелла Дж. Элиот «Приоткрытая завеса» с точки зрения субъектной организации повествования. Обращение к форме исповеди является отражением общего интереса к проблемам психики, к пограничным состояниям, характерным для периода второй половины XIX века. В новелле религиозный момент исповеди, связанный изначально с таинством покаяния в своих грехах, реализуется наравне с повествовательным, автобиографическим. История героя представляет собой своего рода посмертную исповедь, в которой он останавливается на отдельных моментах своей жизни. Внутренний монолог состоит не только из размышлений и переживаний, но и из грамматически неформленных элементов, чтобы показать работу подсознания. В то же самое время герой ищет прощения, надеясь на отклик и эмпатию за гранью смерти. Такая повествовательная ситуация позволяет полно и глубоко показать внутренний мир героя, сосредоточив внимание на рефлексии, психологическом самоанализе. В центре внимания в исследуемом произведении — персональная точка зрения, акцент делается на раскрытии центрального характера. В новелле рассказчик оказывается наделенным особой способностью подслушивать мысли окружающих его людей, проникая в глубины их сознания. Такой повествовательный эксперимент Дж. Элиот позволяет расширить ситуацию «Я»-повествование до авторского всеведения.

автобиография, английская новелла второй половины XIX века, исповедь, психологизм.

Исповедь как литературный жанр чаще всего рассматривается исследователями как мемуарная литература, особый вид автобиографии, в котором представлена ретроспектива жизни¹. Как отмечает Н. Казанский, «в воспоминаниях, однако, нет того, что мы в первую очередь соотносим с жанром исповеди, — искренности оценок своих собственных поступков»². Если обратиться к истокам понятия «исповедь», то первоначальное значение предполагает таинство покаяния в своих грехах перед священником. Церковная исповедь не включала в себя полную автобиографию, ограничиваясь, как правило, каким-то кратким определенным периодом времени. Л. Луцевич пишет, что в таком религиозном аспекте «толчком для публичного покаяния чаще всего становилась кризисная ситуация, широко понятая болезнь, состояние между жизнью и смертью, в котором оказывался исповедующийся»³. Данная черта оказала влияние на повествовательную ситуацию литературной исповеди, предполагающей фиксацию какой-то экстраординарной жизненной ситуации, обусловившей состояние одиночества и провоцирующей потребность исповедания. Таким образом, исповедь как текст появляется на пересечении христианской традиции исповедания-покаяния и бытового жизнеописания — автобиографии, при этом в центре внимания оказывается именно описание внутреннего мира, а не внешней канвы жизни. Данный акцент обусловлен тем фактом, что изначально исповедь требовала от человека полной искренности, стремления избавиться от грехов, раскаяния. Исповедь как литературный жанр «вбирает в себя внутренний духовный путь с неизбежным включением каких-то внешних обстоятельств жизни и в том числе — раскаяния»⁴. В настоящее время точное определение данной формы субъектной организации повествования является сложным в связи с возникновением самых разнообразных видоизменений жанра — мемуаров, записок, дневников и т.п. Во второй половине XIX века исповедь героя становится главной формой психологического анализа.

Рассмотрим в этом плане субъектную организацию новеллы Дж. Элиот «Приоткрытая завеса» (1859). Данная новелла является отражением общего интереса к проблемам психики, к

¹ Cuddon J.A. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory / rev. by C.E. Preston. 5rd ed. L.: Penguin Group Penguin Books Ltd, 1999. P. 174.

² Казанский Н.Н. Исповедь как литературный жанр // Вестник истории, литературы, искусства / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук; гл. ред. Г. М. Бонгард-Левин. М.: Собрание, 2009. Т. 6. С. 73.

³ Луцевич Л. Литературный исповедальный канон и его модификации // Toronto Slavic Quarterly. Spring 2013. N 44. P. 257–267. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/44/tsq44_lutsevich.pdf (дата обращения: 01.11.2015).

⁴ Казанский Н.Н. Исповедь как литературный жанр. С. 74.

пограничным состояниям, характерным для данного периода. Организация повествования от первого лица нехарактерна для творчества писательницы⁵, однако здесь в центре внимания — правдивый рассказ героя о своей жизни. История Лэтимера представляет собой своего рода посмертную исповедь, о чем он заявляет с самого начала повествования: «Конец мой близок»⁶. Перед читателем раскрывается жизнь героя, полная страданий. Сам он видит причину несчастий в своем особом даре — возможности предвидеть будущее и проникать в мысли окружающих его людей. С ужасающей откровенностью перед Лэтимером открываются пустые мысли и чувства, заурядные переживания — весь «темный хаос низменных чувств» (с. 242). Такая причастность к внутренней жизни других людей мучит героя, и только характер прекрасной невесты брата, Берты, представляет единственное исключение: «...в Берте мне виделось очарование неразгаданной судьбы» (с. 244). Увлеченный этой загадкой, Лэтимер игнорирует странное видение будущего, где Берта — его жена, мечтающая о смерти своего ненавистного супруга. Удивительный дар судьбы оказывается проклятием для героя, и все, о чем он мечтает на смертном одре, — это сочувствие, которое он никогда не испытал в своей жизни.

Мэган Кеннеди отмечает, что в данной новелле Дж. Элиот экспериментирует с повествовательной структурой произведения. Особая способность рассказчика «подслушивать» мысли героев создает впечатление «центрального сознания»; кроме того, по мнению исследователя, голос Лэтимера вызывает ощущение «потока сознания»⁷. Джилл Гальван пишет, что такой мистический доступ рассказчика к чужим мыслям имитирует авторское всеведение⁸. Ингрид Нортон повторяет данную мысль, указывая, что рассказ героя «расширяется от субъективности первого лица до объективности третьего»⁹. Особые способности Лэтимера в его сверхчувствительной наблюдательности в конечном счете оказываются способностями автора.

Итак, перед читателем — своеобразная исповедь главного героя новеллы. И если в начале *short story* несвязная речь, действительно, более близка форме «потока сознания», то затем исповедальное слово «организует хаос сознания»¹⁰. «История моей жизни» — так определяет сам Лэтимер свое повествование (с. 227), в котором интересным образом переплетаются как изначально религиозные аспекты жанра, так и признаки автобиографии. Новелла Дж. Элиот «Приоткрытая завеса» — рассказ о себе и о других с позиции «Я», композиционно организованный в соответствии с этой позицией, передающий свои наблюдения происходящего, свои оценки людей и событий, свои размышления и эмоции. Несмотря на достаточно подробное повествование героя о событиях жизни, начиная с детства и заканчивая предчувствием близкой смерти, внимание, тем не менее, приковывается к исповеди Лэтимера, насыщенной размышлениями и умозаключениями. Герой подвергает самооценке свои мысли и поступки, он фиксирует свои чувства, переживания, настроения, он осмысливает свое состояние «тогда», когда происходили события, и сравнивает их с «теперь», когда вспоминает о них; наблюдает за теми внутренними изменениями, которые произошли в его взглядах. Вопрос об адресате исповеди позволяет говорить в новелле о некоторой внутренней диалогичности. Формально перед читателем — монологическое слово героя, не обращенное к кому-то конкретно. Если вспомнить об истоках жанра исповеди в религиозном плане, то первоначально она обращена к священнику и Богу или только Богу. Интересно отметить, что первое обращение рассказчика — именно к Богу: «О Боже, позволь мне жить с моим знанием и изнывать под сим бременем...» (с. 227). Однако можно ли на основании этого сделать вывод о подобной обращенности исповеди? В завершение своей истории Лэтимер, напротив, говорит, что постоянные страдания убили в нем всякую религиозную веру, при этом он трижды упоминает некое «неизвестное начало» (с. 272, 281). Кроме того, в повествовании возникает беседа Лэтимера с воображаемым собеседником — «читающим эти строки» — с просьбой о сочувствии и понимании. Это

⁵ Norton I. A Year with Short Novels: On Lifting Veils // Open Letters Monthly — an Arts and Literature Review. 2010. 07 Nov. URL: <http://www.openlettersmonthly.com/author/norton/> (дата обращения: 2.11.2015).

⁶ Элиот Дж. Приоткрытая завеса // Дом с призраками: английские готические рассказы / пер с англ. М. Куренной. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 226. Далее цитаты даются по этому изданию в тексте статьи с указанием в круглых скобках номера страницы.

⁷ Kennedy M. The Lifted Veil // Eliot George. The lifted veil, Brother Jacob. N.Y. : Oxford University Press, 1999. URL: <http://medhum.med.nyu.edu/view/11943> (дата обращения 3.01.2016).

⁸ Galvan J. The Narrator as Medium in George Eliot's «The Lifted Veil» // Victorian Studies. Winter 2006. Vol. 48, N 2. URL: http://muse.jhu.edu/journals/victorian_studies/toc/vic48.2.html (дата обращения: 2.11.2015).

⁹ Norton I. A Year with Short Novels: On Lifting Veils.

¹⁰ Рабинович В.Л. Человек в исповедальном жанре // О человеческом в человеке: сб. / ред. И.Т. Фролов. М.: Политиздат, 1991. С. 320.

первое в жизни героя подобное обращение происходит в критический момент — на грани жизни и смерти, в состоянии крайнего одиночества и отчаяния: «Ни одному человеческому существу я никогда не доверялся полностью. <...> Но за гранью бытия все могут рассчитывать на жалость, нежность и милосердие. Ведь только живые не получают прощения...» (с. 227). Лэтимер ищет прощения, как кающийся грешник рассчитывает на отпущение грехов там, «за гранью бытия». Рассказчик надеется на отклик и эмпатию, на то, что читатели — люди с тонкой душевной организацией: «Вы, *должно быть*, имеете представление о характере предчувствия, порожденного интуицией в мгновения отчаянной борьбы со страстью. <...> Вам *наверняка* знакомо бессилие рассудка перед душевным порывом» (с. 252). Далее герой только усиливает впечатление близости собеседника: «*Хорошо знающие друга друга люди* предпочитают разговаривать о событиях, происходящих на внешнем плане бытия, и не распространяются о сокровенных мыслях и чувствах, о которых собеседник может догадаться и сам» (с. 264). Таким образом, в повествовании реализуется религиозный момент исповеди наравне с повествовательным, автобиографическим.

На отдельных моментах биографии герой останавливается более подробно, поскольку считает их принципиально важными в своем рассказе, какие-то освещает только в общих чертах. Исповедь рассказчика носит достаточно эмоциональный характер там, где он пытается проанализировать работу своего ума. Внутренний монолог героя включает в себя не только размышления и переживания, но и грамматически неоформленные элементы, чтобы показать работу не только сознания, но и подсознания. Это монолог, направленный на выражение процесса мыслительной деятельности человека, передачу потока сознания. Это и предчувствие героя об ожидающем его в будущем: «Мучительная агония, удушье... <...> Тьма... тьма... боли нет... нет ничего, кроме тьмы» (с. 226). Прерывистость речи, незаконченные фразы, внешне оторванные друг от друга синтаксические построения не только свидетельствуют о мучительной работе подсознания, но и характеризуют героя, постоянно погруженного в свою внутреннюю жизнь, что становится для него драмой и «настойчиво занимает все... воображение» (с. 256). Еще одной ключевой характеристикой исповеди Лэтимера является обилие риторических вопросов и восклицаний. Герой обращается с подобными вопросами к невидимому собеседнику, а часто и к самому себе. Ему отнюдь не интересны ответы на заданные вопросы. Он утверждает, а вопросительная форма подачи лишь усиливает изложение мысли, придает ей безапелляционность и завершенность. Рассказчик задается вопросами о природе своего открытия. Для него это не дар, а проклятие: «Может, это какое-то заболевание, что-то вроде приступов перемежающегося бреда...?» (с. 240). Подобная диалогичность, наличие обращений к неизвестному собеседнику указывают на адресность исповеди. Рассказчик надеется, что его «повесть» будет прочитана и, по его словам, «пробудит в посторонних людях чуть больше сочувствия ко мне мертвому, нежели пробудила бы в моих друзьях ко мне живому» (с. 228).

Исповедь всегда предполагает рассказ о событиях, которые уже произошли. Говоря о разнообразии спектра грамматических времен, следует отметить, что такое повествование подразумевает обращение к разным событиям и передачу разных эмоций. Именно поэтому задействованными оказываются все три временных пласта. Интересно, что повествование новеллы начинается с описания настоящего и предвидения будущего, в котором Лэтимер подробно раскрывает обстоятельства своей смерти. И только затем начинает рассказ о событиях своей жизни, сопровождает их комментариями и описанием эмоций, которые испытывал в тот или иной важный момент.

Первые впечатления Лэтимера связаны с детством, единственным счастливым временем в его жизни, которое быстро заканчивается со смертью матери, одного из немногих по-настоящему близкого мальчику человека. Сам он пишет, что «...с детства отличался характером чувствительным и непрактичным, который формировался в совершенно чуждой для него среде и посему никак не мог развиваться в характер здоровый и счастливый» (с. 232). Уже тогда Лэтимер стал интересоваться «человеческими деяниями и движениями человеческой души» (с. 231), в то время как отец и окружение стремились воспитать в мальчике любовь к науке. Далее Лэтимер пишет о двух событиях своей жизни, которые определили его дальнейшее одиночество и способствовали развитию странной сверхчувствительности, — видение Праги, открывшееся до мельчайших подробностей в сознании героя, и предугаданная встреча с Бертой. Именно эти эпизоды становятся точкой отсчета странного дара.

Теперь уже он пытается проанализировать свою внутреннюю жизнь в различные периоды и дать оценку своим действиям и действиям тех людей, которые так или иначе оказывали влияние на его судьбу.

С момента открытия своей мучительной способности проникать во внутренний мир находящихся рядом с ним людей все его мысли и усилия сосредоточиваются на Берте, в которой он видит «очарование неразгаданной судьбы» (с. 244). В момент написания исповеди герой смотрит на все события и на себя с высоты «сегодняшнего своего несчастного» знания (с. 245), поэтому ничто не скрыто от него, он подробно анализирует те психологические процессы, которые происходят в его душе: «Постоянное чередование надежды и отчаяния... превращало каждый день, проведенный мною в ее обществе, в блаженную пытку» (с. 246). Лэтимеру кажется, что только общение с непостижимой и загадочной Бертой спасает его от «усталости и отвращения, вызванных невольным вторжением в души окружающих» (с. 248). Даже страшное видение будущего, в котором герой узнает безжалостную мертвую душу Берты как своей будущей жены, не останавливает его от мечтаний о прекрасной девушке. Чувствительность Лэтимера развивается до такой степени, что все, что его начинает занимать, — это собственные страдания: «Застенчивость моя развилась до той степени, когда наша внутренняя жизнь превращается в драму и настойчиво занимает все наше воображение и мы начинаем рыдать не столько от действительно душевных мук, сколько от одной лишь мысли о них» (с. 256).

Вместе с этим, герой не только детально описывает все проявления своего возбужденного сознания, но и с расстояния удаленности от произошедших событий анализирует свое состояние, поведение, — все то, что сейчас привело его к такому «концу».

Следует отметить, что в самом тексте слово «исповедь» нигде не употребляется, однако исповедальность проявляется во всех уровнях организации повествования.

Прежде всего, сам рассказ Лэтимера носит исповедальный тон, с начала рассказа настраивает на некоторую откровенность, доступную не всем. Обращение к высшим силам («О Боже...») является отсылкой к классической религиозной исповеди, предполагающей диалог с неким началом, способным давать прощение и успокоение. Также рассказчик неоднократно отмечает, что никогда не мог доверять ни одному из людей, окружающих его. Несмотря на это, весь его рассказ носит характер обращения. Однако нельзя сказать, что именно некие божественные силы являются адресатом его исповеди. В данном случае более целесообразно говорить о некоем эмоциональном восклицании («Боже правый!»), характерном для любого человека, ощущающего скорое приближение смерти. Чисто религиозной веры здесь нет, что подтверждают и слова самого Лэтимера о том, что страдания уничтожили в нем веру. Второе обращение, присутствующее в своеобразной исповеди рассказчика, — это обращение к некоему слушателю или читателю. Также нет никаких примет, указывающих на конкретную личность слушателя или слушателей, однако рассказчик на протяжении всего повествования обращается к «читающим эти строки» с просьбой о сочувствии, сострадании и, самое главное, о прощении: «Ведь только живые не получают прощения; только живые лишены снисхождения и уважения окружающих...» (с. 227). Наконец, рассказчик обращается к себе, пытаясь оценить свою жизнь и найти частичное оправдание своим ошибкам.

Лэтимер, находящийся на грани смерти, пытается объяснить свои поступки в глазах тех, кто услышит его историю. Причины своего самообмана, которые привели его к «счастливому опьянению», рассказчик видит в своем сверхчувствительном, болезненном характере, ищущем во всем понимания и поддержки и не нашедшем этого ни в одном человеческом существе, с которым сталкивала его жизнь. Надежда на то, что именно Берта, чей разум оставался закрытым для него, станет хотя бы ненадолго тем божеством и спасет его от равнодушия окружающего мира, разрушает жизнь героя. Погруженный в исследование своей души, испытывающий страдания от проникновения в пустые души окружающих, рассказчик не обращает внимания на их чувства. Раскаяние в собственном эгоизме не задерживается надолго в сознании Лэтимера («...мой эгоизм даже глубже, — только это эгоизм страдальца...») (с. 257). Момент смерти Альфреда становится точкой отсчета: с этого момента раскаяние в совершенных и несовершенных поступках становится глубже, а повествование убыстряется. Уязвленная гордость и ненависть уступают место жалости и состраданию, и Лэтимер уже раскаивается в своем холодном равнодушии к чувствам и мыслям близких людей. Следующий этап раскаяния наступает в момент, когда «завеса» приоткрывается и герой наконец видит темную душу своей жены Берты. Осознавая, что все случившееся с ним является всего лишь последствием его собственных сознательных действий, несчастный смиряется. «Власть неких неизвестных сил», которую остро продолжает осознавать Лэтимер, не дает покончить жизнь самоубийством, чего бы очень желала Берта, поэтому герой продолжает вести замкнутый образ жизни. Сверхъестественная способность

непроизвольно вторгаться во внутренний мир других людей полностью покидает героя, но тем сильнее он ощущает над собой власть некоего неизвестного и безжалостного начала.

Что за «Неизвестное Начало» упоминает Лэтимер неоднократно в своем повествовании? Возможно, это отражение обращения Элиот к жанру «готического» повествования с характерным для него вмешательством потусторонних сил, а, возможно, данный момент можно рассматривать в контексте религиозной исповеди: две силы ведут борьбу в душе героя.

Повествовательная ситуация, обусловленная такой субъектной организацией, — особая: она позволяет полно и глубоко показать внутренний мир героя, сосредоточив внимание на рефлексии героя, психологической самооценке и психологическом самоанализе, что не является, однако, главной целью Дж. Элиот. Тот эксперимент, который проводит писательница, открывая перед Лэтимером души окружающих его людей, также способствует глубокой психологизации изображаемого. Герой, с юности интересовавшийся движениями человеческой души, в своей исповеди раскрывает страшный мир пустоты близких ему людей: «...легкомыслие, весь подавленный эгоизм и весь темный хаос незрелых низменных чувств, смутных мимолетных воспоминаний и вялых преходящих мыслей, которые скрывались под словами и делами...» (с. 242). Лэтимера постоянно раздражают и мучат мелкие тщеславные побуждения его брата Альфреда. «...Его страсть к покровительству, его самодовольная уверенность в любви Берты и жалостливое презрение ко мне... представавшие моему внутреннему взору во всей своей неприкрытой наготе и во всем многообразии», — особенно беспокоили его (с. 244). Изменчивые пустые мысли и чувства раздражающим образом действуют на сознание героя, производя «впечатление назойливых и фальшивых звуков некоего музыкального инструмента, оказавшегося в неумелых руках, или громкого жужжания пойманного в банку насекомого» (с. 242). И только душа отца, в которой Лэтимер смог увидеть слабое сознание любви, вызывает у героя сочувствие и жалость.

Ингрид Нортон пишет, что в новелле Элиот представлен правдивый анализ, показывающий, что в человеческом сердце жестокость и мелочность легко перевешивают сострадание: «Если бы мы могли действительно увидеть самые черные глубины друг друга, мы пришли бы в ужас не в состоянии выдержать человеческое общество, не говоря уже о любви»¹¹. Но такая повествовательная организация новеллы подразумевает нечто более глубокое, нежели просто исследование темных глубин человеческого разума. Интересно, что такое «проникновение» рассказчика в сознание других при помощи своего особого дара ясновидения (что, на первый взгляд, должно служить психологической характеристике окружающих его людей) способствует более глубокому узнаванию его самого, погружению в его сознание. Мэган Кеннеди отмечает, что сила отвращения Лэтимера к человеческой слабости предполагает, что страдание героя происходит, по крайней мере частично, вследствие его внутреннего отчуждения от окружающих людей, отказа в сочувствии и понимании всем и во всем, кроме смерти отца. Таким образом, по мнению исследователя, его сверхъестественная способность разоблачает своего рода «душевную глухоту» — отсутствие сочувствия к другим, указывает на исчезновение у героя способности любить и испытывать человеческую привязанность, что и становится его болезнью¹². Герой, осуждая других за их мелочное себялюбие, также оказывается эгоистичен в своем даре.

Таким образом, новелла Дж. Элиот «Приоткрытая завеса» в плане субъектной организации представляет собой особый исповедальный тип повествования от первого лица, где происходит открытие героя как в религиозном смысле покаяния, так и автобиографическом плане — истории его жизни. В новелле, как и в любом произведении, где в центре внимания персональная точка зрения, акцент делается на психологическом раскрытии центрального характера. В то же время одновременно с этим в новелле делается перенос на анализ сознания других действующих лиц, чему способствует особый повествовательный эксперимент писательницы, а именно: ситуация вырастает от «Я»-повествования до авторского всеведения.

¹¹ Norton Ingrid. A Year with Short Novels: On Lifting Veils.

¹² Kennedy Meegan. The Lifted Veil.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ, ЛИТЕРАТУРЫ
И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Казанский, Н.Н. Исповедь как литературный жанр [Текст] // Вестник истории, литературы, искусства / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук ; гл. ред. Г. М. Бонгард-Левин. — М. : Собрание, 2009. — Т. 6. — С. 73–90.
2. Луцевич, Л. Литературный исповедальный канон и его модификации [Электронный ресурс] // Toronto Slavic Quarterly. — Spring 2013. — № 44. — P. 257–267. — Режим доступа : http://sites.utoronto.ca/tsq/44/tsq44_lutsevich.pdf (дата обращения: 01.11.2015).
3. Рабинович, В.Л. Человек в исповедальном жанре [Текст] // О человеческом в человеке : сб. / ред. И.Т. Фролов. — М. : Политиздат, 1991. — С. 298–326.
4. Уваров, М.С. Архитектура исповедального слова [Текст] — СПб. : Алетейя, 1998. — 256 с.
5. Элиот, Дж. Приоткрытая завеса [Текст] // Дом с призраками: английские готические рассказы / пер с англ. М. Куренной. — СПб. : Азбука-классика, 2004. — С. 226–282.
6. Allen, W. George Eliot [Text]. — N.Y. : Macmillan ; L. : Collier Macmillan, 1964. — 192 p.
7. Cuddon, J.A. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory [Text] / revised by C.E. Preston. — 5th Ed. — L. : Penguin Group Penguin Books Ltd, 1999. — 1026 p.
8. Galvan, J. The Narrator as Medium in George Eliot's «The Lifted Veil» [Electronic resource] // Victorian Studies. — 2006, Winter. — Vol. 48, N 2. — Access mode : http://muse.jhu.edu/journals/victorian_studies/toc/vic48.2.html (date of access: 02.11.2015).
9. Hughes, K. George Eliot: The Last Victorian [Text]. — L. : Fourth Estate, 1999. — 536 p.
10. Kennedy, M. The Lifted Veil [Electronic resource] // Eliot George. The lifted veil, Brother Jacob. — N.Y. : Oxford University Press, 1999. — Access mode : <http://medhum.med.nyu.edu/view/11943> (date of access: 3.01.2016).
11. Leavis, F.R. The Great Tradition: George Eliot, Henry James, Joseph Conrad [Text]. — L. : Chatto & Windus, 1955. — 266 p.
12. Norton, I. A Year with Short Novels: On Lifting Veils [Electronic resource] // Open Letters Monthly — an Arts and Literature Review. — 2010. — 07 Nov. — Access mode : <http://www.openlettersmonthly.com/author/norton/> (date of access: 2.11.2015).

REFERENCES

1. Allen, W. George Eliot [Text]. — N.Y. : Macmillan ; L. : Collier Macmillan, 1964. — 192 p.
2. Cuddon, J.A. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory [Text] / rev. by C.E. Preston. — 5th Ed. — L. : Penguin Group Penguin Books Ltd, 1999. — 1026 p.
3. Eliot, Dzh. Priotkryitaya zavesa [Text] // Dom s prizrakami: angliyskie goticheskie rasskazyi / per s angl. M. Kurennoy. — SPb. : Azbuka-klassika, 2004. — S. 226–282.
4. Galvan, J. The Narrator as Medium in George Eliot's «The Lifted Veil» [Electronic resource] // Victorian Studies. — 2006, Winter. — Vol. 48, N 2. — Access mode : http://muse.jhu.edu/journals/victorian_studies/toc/vic48.2.html (date of access: 02.11.2015).
5. Hughes K. George Eliot: The Last Victorian [Text]. — L. : Fourth Estate, 1999. — 536 p.
6. Kazanskiy, N.N. Ispoved kak literaturnyy zhanr [Text] // Vestnik istorii, literaturyi, iskusstva / РАН, Otd-nie ist.-filol. nauk ; gl. red. G. M. Bongard-Levin. — M. : Sobranie, 2009. — T. 6. — S. 73–90.
7. Kennedy, M. The Lifted Veil [Electronic resource] // Eliot George. The lifted veil, Brother Jacob. — N.Y. : Oxford University Press, 1999. — Access mode : <http://medhum.med.nyu.edu/view/11943> (date of access: 3.01.2016).
8. Leavis, F.R. The Great Tradition: George Eliot, Henry James, Joseph Conrad [Text]. — L. : Chatto & Windus, 1955. — 266 p.
9. Lutsevich, L. Literaturnyy ispovedalnyi kanon i ego modifikatsii [Electronic resource] // Toronto Slavic Quarterly. — Spring 2013. — N 44. — P. 257–267. — Access mode : http://sites.utoronto.ca/tsq/44/tsq44_lutsevich.pdf (data obrascheniya: 01.11.2015).
10. Norton, I. A Year with Short Novels: On Lifting Veils [Electronic resource] // Open Letters Monthly — an Arts and Literature Review. — 2010. — 07 Nov. — Access mode : <http://www.openlettersmonthly.com/author/norton/> (date of access: 2.11.2015).
11. Rabinovich, V.L. Chelovek v ispovedalnom zhanre [Text] // O chelovecheskom v cheloveke : sb. / red. I.T. Frolov. — M. : Politizdat, 1991. — S. 298–326.
12. Uvarov, M.S. Arhitektonika ispovedalnogo slova [Text] — SPb. : Aleteyya, 1998. — 256 s.

E.E. Amelina

**CONFESSION AS A FORM OF NARRATIVE ORGANIZATION
IN G. ELIOT'S NOVEL "THE LIFTED VEIL"**

The paper analyzes G. Eliot's novel "The Lifted Veil" from the point of view of its narrative organization. G. Eliot's choice of confessional writing reveals the author's interest in human psyche and in borderline states typical of the late 19th century. The religious aspect of a confession, which is originally understood as a holy sacrament of repentance, is intertwined with narrative and autobiographical aspects. The main character's story is a posthumous confession in which he lingers on certain moments of his life. Alongside with grammatically correct reflections and meditations, the character's inner monologues comprise ungrammatical sentence structures representing subconscious thoughts. The character seeks forgiveness and hopes for empathy. The chosen narrative technique allows the writer to present a profound sketch of the character's inner world, with the focus on reflection and psychological analysis. The analyzed work of fiction centers on the main character, his personal point of view. The storyteller's unique ability to hear other people's thoughts, penetrating into the depths of their consciousness, allows G. Eliot to profit both from the technique of first-person narrative and the technique of omniscient narrative.

autobiography, English novel of the late 19th century, confession, psychology